

INSPIRIA

18+

РЕЙЧЕЛ ГИЛЛИГ

ЛУНА и ПЛУТ

ЖЕЛАЮЩИЙ СВЕРГНУТЬ БОГА
ДОЛЖЕН САМ УПОДОБИТЬСЯ ЕМУ

INSPIRIA

Рейчел Гиллиг
Луна и Плут
Серия «Inspiria Ромэнтези»
Серия «Королевство
Каменного родника», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74631871

Луна и Плут: Эксмо; Москва; 2026

ISBN 978-5-04-255947-1

Аннотация

Собор Ашлин пал. Вещих богов больше нет, и король рад предложить народу новую веру. Связав себя и последнюю Провидицу узами брака, он способен защитить государство от спрайтов.

В честь свадьбы монарха объявляют рыцарский турнир, победа в котором сулит горы золота и овладение реликвиями Вещих богов. Сибил поклялась во чтобы то ни стало уничтожить пережитки Ашлина, но, смертельно раненная, не может участвовать в состязаниях.

Вместо Провидицы готов биться неизвестный. Он ничего не помнит о себе и презирает веру, но ради Сибил готов сам стать богом.

Возвращение королевы готического ромэнтези!

Продолжение дилогии «Рыцарь и мотылек» от автора бестселлера «Одно темное окно».

Сенсация зарубежного буктока; высочайшие рейтинги и заслуженная любовь аудитории по всему миру.

Захватывающее фэнтези с мрачной атмосферой и сложными героями для поклонников Ли Бардуго, Авы Райд и Ребекки Росс.

Неожиданные сюжетные повороты, которые никого не оставят равнодушным.

Содержание

Конец истории	6
Глава первая. Ночь, когда пал Ашлин	8
Глава вторая. Грезы закончились	23
Глава третья. Та, кого я знал	29
Глава четвертая. Приходите, посмотрите...	47
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Рейчел Гиллиг

Луна и Плут

Rachel Gillig

THE KNAVE AND THE MOON

(The Stonewater Kingdom, Book 2)

Copyright © 2026 by Rachel Gillig

Cover design: © Alexander Kopainski using illustrations by ©

Anna Moshak (cover motif, aizelkonart.com) and © Alessandra Fusi (frame, alessandrafusi.com); Sprayed Edges: © Alexander Kopainski

© Николенко Е., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

*Тем, кто смотрит на мир с отчаянием.
Поверьте: в нем есть еще место надежде. Есть еще
место любви. Иначе и быть не может.*

Конец истории

Ты знаешь эту историю, Бартоломью, хотя и не целиком. Поведаю ее, уж как сумею, и клянусь говорить честно. А если не выйдет, что ж – сгодится и так. История, думается мне, – это своего рода представление. Странное, переменчивое зрелище. То, с какой стороны на него взираешь, и определяет его смысл – и не мне решать, можно ли считать веру, внушенную зрелищем, подлинной.

Давным-давно на поле, заросшем кострецом, лежало нагое существо, а вокруг расцветала жизнь. Разум существа наполнился мудростью, конечности наливались силой, сердце билось спокойно. Существо смотрело на луну, а луна смотрела на него, и они были едины: вечно меняющиеся, всегда неизменные.

Но мир не остался прежним. Созданию, которое никто не знал по-настоящему, начали поклоняться, а затем возжаждали его присвоить. Из уст в уста передавались легенды, и вдруг народ этой земли возомнил, что имеет право на самую жизнь существа. Прошло не так уж много времени, и жизнь у существа отняли. Плоть съели, кости раскололи, кровь жадно выпили. Существо жалобно закричало, плач, напоминающий печальную мелодию, подхватил ветер и с тех пор носит по Трауму. Существо не оставалось ничего, только лежать смиренно и ждать.

И грезить.

Прости. Мне тоже не хочется возвращаться к этой части истории, Бартоломью, но придется. Познать мир – в какой-то мере и оплакать его, ведь что такое на самом деле прошлое, как не предзнаменование? И если я утаю от тебя то, что мне известно...

Все может и повториться.

Глава первая. Ночь, когда пал Ашлин

Ни молотка, ни резца при мне больше не было – лишь пустые руки, запятнанные кровью.

Рыцари усадили меня на коня и увезли с холма. Мы промчались по дороге в ложине, по тому туннелю из деревьев и колючек, и наделали столько шума, что совы с перепуганным уханьем разлетелись прочь. По моим доспехам хлестали ветки. Тропа, будто темный зев, заглотила наш отряд и выплюнула посреди полей, усыпанных пестрыми палатками.

Огни Ярмарки Коулсона не горели. Копыта лошадей загрохотали по дороге – земля и трава сменились булыжной кладкой, а потом и деревянным настилом подъемного моста.

Впереди возвышался замок.

Пурпурные штандарты трепетали на ветру. Отряд пересек подъемный мост, во внутреннем дворе рыцари спешили, двое схватили меня за руки. Ссадить меня с лошади им удалось не без труда. Мы зашагали к входу в замок, и стражники у ворот расправили плечи. Дозорные были в шлемах и кольчугах, вооружены небольшими копьями с наконечниками в виде листьев – такие копья легко метать, и длина их подходит для ближнего боя.

– Провидица, – прошептал стражник, когда я шла мимо.

– Она в крови, – заметил другой. – Позвать лекаря, ваше величество?

– Нет. – Король шагнул вперед, расстегнул наручи и скинул их на булыжники, которыми был выложен двор. – Это не ее кровь.

Он направился в замок. Я окликнула его:

– Бенджи...

Он не обернулся.

– Бенедикт!

Златокудрая голова короля поникла, однако он упрямо уставился вперед, лишь негромко бросил какому-то рыцарю:

– Отведи ее в покои, о которых мы говорили.

Врата замка Лурихт с грохотом распахнулись.

Довольно быстро я заблудилась в его запутанных, точно лабиринт, закоулках. Множество поворотов, лестниц, доспехов, выцветших пурпурных ковров; к тому же рыцари, что сопровождали меня, шагали слишком быстро. Бенджи я давно потеряла из вида, вместе со стражниками мы прошли сначала по одной лестнице вверх, потом по второй, третьей, затем по приставной, через люк, по длинному коридору и...

У меня перехватило дыхание. Мы оказались у железной двери высотой до самого потолка. С той же необратимой уверенностью, с какой понимаешь, что тебя сейчас вырвет, я догадалась, где нахожусь.

– Сюда?

– Так велел государь, – ответил страж. – Увести куда-нибудь подальше от чужих глаз. Ради вашей безопасности.

Мои спутники отперли дверь и втолкнули меня внутрь.

– Мы будем тут рядом, Провидица, – сказал второй стражник. – Если что-то понадобится.

Я молча уставилась на него, и он наконец не выдержал. Дверь закрылась. Ее заперли.

В длинной пустой комнате воздух был спертый. Она располагалась на самом верху замка, куда снизу поднимался пар от купален и прачечных, через крышу просачивалась сырость дождя, в помещении царили холод и влажность, деревянные половицы прогибались под ногами, словно живая плоть.

Мебели здесь не оказалось совсем, на полу виднелись волглые пятна. Ни тебе камина, ни факелов, свет давало лишь зарешеченное окно на южной стороне. За ним мерцал голый серебристый перст месяца, чье сияние притушила облачная пелена.

Я выглянула в окно. Когда облака сгустились, окончательно заслонив месяц, я размяла запястья, потом плечи и зашлась кашлем.

– Стража!

За дверью загремели шаги. Я наклонилась, упершись ладонями в колени, и словно воровка припала к замочной скважине. По ту сторону мелькали три тени.

Я закашляла громче – задыхаясь, с хрипом.

– Прошу... Мне дурно. Воды!

Ключ вошел в замок, заскрежетало железо. Отворилась дверь, за которой стояли три стражника с копьями, я покач-

нулась и на нетвердых ногах шагнула вперед...

И рубанула первого воина ребром ладони под подбородок. Его голова запрокинулась.

Он ахнул, зашатался, потом, запутавшись в собственных ногах, упал как подкошенный. Второй страж попытался поднять шум. Колено врезалось ему в пах, локоть – в челюсть, и вот он уже с хрипами и стонами присоединился к товарищу на полу. Третий успел занести копье, но я мигом перехватила его руку, заломила ее за спину, и он вскрикнул:

– Прошу! Не бейте меня...

– Брось оружие.

Он послушался. Хоть я и не стала подбирать валявшееся на полу копье, он отдал мне ключ так покорно, словно я поставила острый наконечник ему к горлу.

– Топай в комнату. И приятелей захвати.

Кого за руки, кого за ноги – стражник по очереди затащил стонущих товарищей в мое узилище, бормоча при этом что-то вроде молитвы Ловкому Разбойнику. Я, хохотнув,插вила ключ в замок, а стражник посмотрел на меня полным ужаса взглядом.

– Провидица...

– Здесь было его логово. Ловкого Разбойника. – Мой смех затих, тело пробрало ледяным ознобом. – Но больше он тебя не услышит.

Я захлопнула дверь, заперла замок и бросилась бежать.

Когда-то я ступала на цыпочках по холодным каменным

плитам собора Ашлин, боясь породить даже слабое эхо. Теперь же мои сапоги грохотали по полу, доспехи лязгали – я заявляла о себе, не скрываясь и полагаясь лишь на мощь своего тела.

Я бежала во мрак, топая по тому же полу, по которому ходил Ловкий Разбойник, этот гнусный зверь – Вещий бог. Сегодня ночью тем же путем следовало новое божество, и, если все пойдет, как задумано, зверь еще более лютый:

Я.

* * *

Куда мне идти, я понятия не имела, знала только одно: надо спускаться.

Откинув люк, я пробралась по приставной лестнице вниз, затем преодолела еще два пролета ступенек и вдруг очутилась в самом сердце замка, где воздух был холоднее, факелы горели ярко, стены были богато убраны, а ковры пестрели затейливыми узорами. Меня все это не трогало, я скользила взглядом от стены к стене, но не любовалась украшениями: я искала некий знак.

Верный знак.

Пролет, второй – я спустилась еще ниже. Где-то вдалеке слышались голоса, замок жил полной жизнью, несмотря на поздний час. Вскоре я вышла в коридор – здесь занавеси были шире, плотнее, роскошнее, более глубокого оттенка пур-

пура. Даже пахло приятнее – ароматами жареного мяса, приправленного травами и цитрусом. Все эти признаки указывали, что я добралась куда нужно.

А еще – тут была стража.

В дальнем конце коридора у золоченой двери расхаживала пара караульных при оружии. Вид у них был рассеянный, они лениво бродили туда-сюда, теребя кожаные перевязи. Поначалу. Потом я вышла вперед, шагая так тяжело, что стены задрожали, факелы подскочили, а портреты в рамах дрогнули.

Стражники тут же вытянулись во фрунт, до побелевших костяшек вцепившись в древки копий.

– Кто идет? – спросил стражник слева от двери.

– Где король? – поинтересовалась я вместо ответа.

– Уже отдыхает. О... Провидица.

Они вытаращили на меня глаза, первый так разинул от удивления рот, что мелькнули темные провалы на месте пары выбитых зубов. Второй, видимо, тоже лишился дара речи, так истово вглядывался он мне в глаза, что у него самого навернулись слезы.

– Откройте дверь, – велела я им.

– Вам опасно здесь разгуливать, – возразил второй стражник. – Король распорядился запереть вас наверху, вам не положено бродить по замку без присмотра. Давайте-ка мы отведем вас обратно...

– Немедленно. Откройте. Дверь.

Первый страж стал возиться с замком, руки не слушались его, будто вместо них у него отросли копыта, но вскоре дверь робко, словно крышка музыкальной шкатулки, приоткрылась. Стражники отпрянули в сторону, с благоговением и страхом взирая на меня – так всегда в Королевстве Каменного родника смотрели на Провидиц.

Я ступила в королевские покои.

Внутри в большом очаге догорали угли, едва освещая обстановку. Я с трудом разглядела резную мебель, стены с искусной лепниной и зеркало высотой с меня и вдвое шире. Я прошла мимо, и в отражении блеснули мои серебристые волосы и доспехи – будто луна показалась на небе, блеклое пятнышко света среди вездесущей непроглядной тьмы.

Слышала я лишь стук собственного сердца, но тут из кровати, такой огромной, что сошла бы и для медведя, донеслись слабые всхрапы. Прерывистое дыхание.

На постели спал Бенедикт Кастор Третий. Золотистые волосы после мытья потемнели от влаги, глаза плотно сомкнуты. Как я и думала, спал король, свернувшись калачиком, будто прятал от опасности беззащитный живот. Бенджи был без сорочки, из-под стеганых одеял виднелось голое плечо, кожу покрывали мурашки. На миг мне отчего-то захотелось укрыть мальчишку, подоткнуть бережно одеяло.

Вместо этого я его содрала.

Король вздрогнул, еще сильнее съежился и распахнул глаза.

– Кто здесь?

Я склонилась над ним, точно змея над гнездом с хрупкими голубыми яйцами.

– А ты как думаешь, Бенджи?

Тот на мгновение расслабился и сразу же словно окаменел.

– Ты меня напугала. Твои глаза. Я подумал, ты...

– Вещий бог?

Он сел, крепко прижимая к себе одеяло.

– Как ты сюда попала?

– Взяла и пришла.

Бенджи медленно запустил руку под подушку.

– Ты убила стражников?

– Они довольно быстро присмирели.

В комнате совсем не осталось света. Последний уголек в королевском камине погас.

– Чего ты... – Голос Бенджи дрогнул. – Чего ты хочешь, Провидица?

– Чтобы ты посмотрел мне в глаза. В последний раз.

Он послушался, и я увидела, что в яркой синеве глаз Бенедикта Кастора скрывается целый мир. При мне не было ни молотка, ни резца, чтоб разрушить этот мир, лишь моя скорбь, моя ярость, и потому прямо с окровавленными руками неотвратно, как змея, которая бросается на гнездо...

Я бросилась на него.

Король вскрикнул, но я уже держала его за горло. Бенджи

вцепился мне в запястье и рванул, пытаюсь высвободиться, а когда это не помогло, принялся колотить меня по плечу.

– Пожалуйста, – сдавленно взмолился Бенедикт. Голос его звучал отчаянно тонко, будто нить, которая вот-вот оборвется.

Я стиснула его горло крепче. Но потом... его глаза. Боги. Эти глаза.

Король заплакал. Он смотрел на меня снизу вверх, ища в моем лице то ли сочувствие, то ли новую волну гнева – не понять, – но я словно взглянула сквозь время на того юного и перепуганного мальчишку, который пришел в собор. Который уселся рядом со мной и рассказал правду о Трауме, о Вещих богах. Вложил мне в руки власть и сам же эту власть отнял. Король, мальчик, который, кажется, всегда смотрел на меня снизу вверх, глядел так и сейчас.

Но тут он стукнул меня еще раз, кулак угодил в локоть. Бенджи ударил меня снова – раз, другой, третий – и моя решимость рухнула. Я отпустила его, и мы молча уставились друг на друга, пытаюсь отдышаться.

– Ты должен был убить и меня. – Грудь пронзило невыразимое отчаяние. – Нужно было убить меня.

– Ты и так мертва, Шестая, – прошептал Бенджи. – Потому ты и особенная.

Король быстро вытащил из-под подушки каменную монету, швырнул ее...

И исчез.

Дверь распахнулась.

В королевские покои ворвались стражи из моей комнаты и те, что охраняли Бенджи. За ними, сверкая доспехами, вошла пара рыцарей: темноглазая женщина с острым лицом и мужчина с волосами песочного цвета и крупными зубами.

Тори Бассет и Хамельн Фишер окинули взглядом покои и воззрились на меня. Тори прищурила темные глаза, Хамельн протянул руку, и окружавшие их стражники попятились.

– Заблудилась, Провидица?

Эта парочка вновь водворила меня на самый верхний этаж замка. Тори старалась не прикасаться ко мне, а Хамельн по пути то и дело задевал мой локоть. Напоминал, что он рядом. Угрожал.

Они провели меня по последним ступеням к покоям Разбойника.

– Какая ты смиренная, ну что твой ягненок, – рассмеялся Хамельн, который шагал позади. – Притворяешься, ясное дело.

Я вошла в комнату, не обернувшись, Хамельн захлопнул за нами дверь.

– Какая глупость, – бросила Тори, – расхаживать по замку. Ты важная особа – а вдруг с тобой бы что-то случилось?

Я не ответила, по-прежнему стоя к ним спиной.

– Сегодня Бенедикт собрал рыцарей и все им рассказал, – проговорил Хамельн совсем рядом, у самого моего уха. – Сообщил, что на Ашлин напали спрайты, убили матушку, ее

горгулий, Провидиц. Что перед смертью матушка вручила ему пять волшебных реликвий, дары богов, с помощью которых он разнес спрайтов в ключья. — Хамельн понизил голос: — А еще Бенджи заявил, что с тех пор, как Ашлин пал, а родник завалило обломками, единственный способ связаться с Вещими богами — заглянуть в твои каменные глаза.

Я по-прежнему хранила молчание, и это, похоже, только сильнее его раззадорило — он заговорил с издевкой:

— Жаль твою ручную горгулью. И Мод, и Миндашеса. Всех их просто раздавило камнями.

Я будто оцепенела.

— Как по мне, чересчур легкая смерть для такого мерзавца, как Рори...

Я резко развернулась и с такой силой толкнула его, что он повалился на пол.

— Пошел вон!

Лязгая доспехами, Хамельн пытался встать на ноги. Он смотрел в мои каменные глаза, от него несло страхом, как гарью. Тори помогла ему подняться и повела к двери.

— Поспи хоть немного, Провидица, — посоветовала она. — Утром тебе предстоит церемония.

— Какая церемония?

Хамельн запер за ними дверь, послышался скрежет железа, а потом... тишина.

Я ушла в дальний угол комнаты и легла, обхватив колени руками так крепко, насколько позволяли доспехи. Значит,

вот она какая, новая история Траума – опять ложь. О том, что спрайты разрушили собор Ашлин. Что единственная магия, оставшаяся в мире, – это каменные реликвии, некогда принадлежавшие Вещим богам: монета, чернильница, весло, колокольчик, грузило ткача.

И я.

Поразительно, как этот мальчишка-король умудрился отнять у меня все и в то же время объявить меня святой.

Я лежала на полу в покоях Ловкого Разбойника, мучительно осознавая правду. Все, кого я любила, исчезли, и все мои старания по избавлению королевства от ложных богов оказались напрасными. Собор пал, но тень его по-прежнему накрывала Траум, и ни самым высоким строениям, ни березам-бирке, ни горным вершинам не под силу было пробить эту тьму и дотянуться до света.

Пусть Провидицы из меня не вышло, да и рыцаря тоже, но уж давать клятвы я умела хорошо. Там, в покоях Ловкого Разбойника, где по щекам моим катились слезы, я дала клятву: Бенедикт Кастор Третий умрет. Сегодняшняя неудача – просто дар мне, смерть во тьме для него слишком легка. Что бы ни случилось завтра, я убью короля Траума так же, как прорицала для него в Ашлине.

Со всеми почестями.

Я заплакала. В горле булькало так же, как когда я тонула в роднике собора, потом рыдания наконец стихли, и я всю ночь напрягала слух, пытаюсь услышать то, что больше не

суждено: мерное дыхание сестер-Провидиц во сне, фальшивые напевы горгульи, сдержанный смех Мод.

Голос Рори.

Слезы капали с подбородка, орошая кольчужный капюшон, скатывались за нагрудник, леденили тело. Я начала дрожать.

Пока не пришел сон, я размышляла об историях, о правде и лжи, о том, как ни то, ни другое не приносит утешения, но и не дает покоя. Что случилось с Мод? Будут ли разрастаться трещины в каменном теле Бартоломью, пока он весь не рассыплется? Выжил ли Рори после такого ранения?

Не обманывала ли я себя, надеясь, что перед тем, как умереть, Родрик Миндашес – еретик, прекрасный негодник, лучший из рыцарей – не взывал ни к богам, ни к смертным? Дурно ли мечтать, что в самый последний миг...

...он вместо этого звал меня?

* * *

Дверь в покои Ловкого Разбойника отворилась, внутрь хлынул серый утренний свет. Надо мной нависли четверо.

Хамельн Фишер с Ярых Пиков, Тори Бассет с Утесов Беллидина, Дедрик Ланге из Шехта и четвертый рыцарь – с короткими темными волосами, бронзового цвета кожей, вокруг глаз у него был размазан уголь. Сэмюэл Айхель, вспомнила я. Сын Хелены Айхель, старейшины из Звонящего Ле-

са, которая проводила ритуал для короля, той самой, у которой мы украли колокольчик Верной Лесничей, той самой, которую сожрал бирке.

– Мы должны снять с тебя доспехи, – сказала Тори.

Они старались лишний раз меня не касаться, но не отводили взглядов, всматриваясь в мои глаза, словно надеялись в бледной пустоте моего взора отыскать Вещего бога. Наконец нагрудник, набедренники, поножи и все остальное было снято, и четверо рыцарей вывели меня из комнаты. Покидая покои Ловкого Разбойника, я оглянулась напоследок и увидела свою броню, которая бесформенной грудой высилась на полу, словно мое собственное мертвое тело.

Меня отвели в купальню, где женщины терли мою кожу, пока та не порозовела. Каждая вглядывалась мне в лицо, но в их собственных глазах не было и намека на то, что они вообще меня видят. Им, как и всем остальным, вероятно, сказали, мол, если достаточно долго смотреть на меня, можно узреть Вещего бога.

Мне вымыли голову и расчесали волосы. Вернулась Тори. С ее вытянутых рук длинным белым речным угрем свисало шелковое платье.

Тут-то я и поняла, почему с меня сняли доспехи. Стало ясно, на какую церемонию все намекали – сегодня я буду не Провидицей и не рыцарем, а мученицей, фигурой пусть и не самой святой, но определенно трагичной – невестой поневоле.

Сегодня состоится моя свадьба.

Глава вторая. Грезы закончились

Шестью часами ранее

Дверь между сном и явью была затворена, однако я даже не пытался ее приоткрыть. Постепенно вернулось биение сердца, приветственно застучало в ушах и в горле. Неотвязно. Я успел подружиться с почти забытыми грезами и не спешил с ними прощаться, притупленные чувства дарили утешение, в забвении был покой.

Спустя миг его разнесли в клочья.

– До чего же утомительно ждать, – произнес странный скрипучий голос. – Скажи на милость, Бартоломью, разве я создан для того, чтоб торчать тут, точно приколоченный?

Ему ответил женский голос, приглушенный и сдавленный:

– У него только что перестала течь кровь.

Все мышцы в моем теле напряглись, я не открывал глаз, но сон ухватить не сумел. Я просыпался, просыпался...

И ничего.

Мой разум был словно пещера, стены которой выстлали колючей шерстью. Я окунулся туда и не ощутил ничего, лишь зудящее недоумение. У меня не было ни прошлого, ни настоящего – даже имени.

Сердце застучало быстрее. Я ранен? Боли я вроде бы не

чувствовал. Я лежал на спине, и хребет мой, похоже, был цел и невредим, но я тут же задумался: а будь он сломан, как бы я об этом узнал? Я тут же пошевелил пальцами ног и ощутил тесноту сапог.

Что ж, ладно, ноги слушаются, и на мне какая-то одежда, хотя та была бременем – тяжелым, негнушимся.

«Доспехи, – подсказало мне что-то, какое-то безотчетное знание. – Ты в доспехах и лежишь на траве, а те двое, что болтают у тебя над головой, возможно, и лишили тебя памяти. Убирайся от них подальше. Бегаешь ты неплохо».

Правда?

Я не знал.

Я не знал ничего, кроме того, что мне было страшно.

Скрипучий голос меж тем продолжал вещать поучительным тоном:

– Сомневаюсь, что есть некие правила касательно пробуждения после употребления родниковой воды, разве что все окунувшиеся приходят в себя перепуганными, сбитыми с толку и очень легковверными. Заметь: я не в счет. Когда я пробудился от того вечного сна, я был образцом отваги, ума и ничьи слова не принимал на веру. Разумеется, я всего этого не помню, однако же...

– Бартоломео, – перебила женщина. – Сколько примерно?

– Боюсь, еще немало. – Он цокнул языком. – Я всегда чую, когда грезивший вот-вот очнется, а от этого пока что несет кровью, а вовсе не приторно-сладко. Ему нужно еще поле-

жать.

Я приоткрыл веки.

Надо мной нависали женщина и каменное чудище. Заметив, что я очнулся, они уставились на меня во все глаза. Чудище разинуло пасть, испустило леденящий душу вопль и...

Я бросился бежать.

Спотыкаясь на каждом шагу, громыхая тяжелыми доспехами, я вырвался на открытое пространство – продуваемый всеми ветрами склон скалистого холма. Ветер шелестел кострцом, колыхал маргаритки, поглаживал твердые спины бледных камней. Наверху простиралось ночное небо невиданного пурпурного оттенка, освещенное неизменной серебряной луной.

Сзади донеслись голоса.

Я быстро и тяжело дышал, перебирая ногами изо всех сил, но мешали нагрудник, поножи и наплечники, а от страха движения стали неуклюжими. Я споткнулся о камни, упал, оглянулся...

И увидел огромную каменную летучую мышь – нетопыря – с мстительно распростертым единственным крылом.

От ужаса в груди все сжалось, будто туда лягнул мул.

– Какого хрена? – Я вскочил на ноги, но поскользнулся на траве. За мной гналась женщина – средних лет, темноволосая, с обведенными черной краской глазами; в руке она сжимала смертоносный топор. Женщина приближалась, странно прихрамывая, словно была ранена.

– Стой! – кричала она. – Рори, все хорошо!

– Я вас знать не знаю! – рявкнул я, как загнанный зверь. –

Пошли прочь!

Они подобрались ближе, каменный нетопырь захлопал в ладоши.

– Ну и прыткий ты червяк! А мы-то думали, ты грезишь.

Я и грезил. Вроде как. Я зажмурился и на дрожащих руках пополз по травянистому склону. Кровь пела: *проснись, проснись, проснись!*

– Пожалуйста... – Я скорчился, прикрывая бок, кольчуга промокла от крови, хотя я не чувствовал ни раны, ни боли. – Не надо... не надо...

Нетопырь добрался до меня первым. В пасти виднелись клыки, пальцы венчали когти. За ним туманной дымкой стелилась известняковая пыль, она сыпалась с обломанного левого плеча, где прежде было крыло. Он склонился надо мной, пристально вглядываясь в меня, но по его каменным глазам ничего нельзя было прочесть.

– Тише, Бартоломышю, – сказал он мне. – Грезы закончились.

Женщина подошла к нему и встала рядом. Она бросила топор и, опустившись на колени, положила одну руку мне на плечо, а другую прижала к моему нагруднику прямо напротив сердца.

– Дыши. Ты просто сильно напуган.

Она казалась суровой – тяжелые брови, острый нос, гроз-

ные зеленые глаза. Потом она сильнее надела мне на грудь, и меня отчего-то охватило чувство, будто она храбрее всех на свете и, случись в том нужда, встанет между мной и всем миром.

– Ты Родрик Миндашес, – сказала она голосом, твердым как сталь. – Ты рыцарь, и я тоже. Мое имя Мод Бауэр. Ты забыл меня, но еще вспомнишь. Я буду оберегать тебя, как оберегала всегда.

Ветер охлаждал щеки, глаза наполнялись слезами.

– Я не знаю, кто я.

– Хочешь, я расскажу тебе историю? – негромко спросил нетопырь.

Я взглянул в его каменные глаза.

– Боюсь, ты ее уже слышал. Так уж устроены истории: чтобы не затеряться в памяти, они обречены повторяться по кругу – как змея, пожирающая собственный хвост, – проговорил он. Вблизи я разглядел, что у него сломано не только крыло. Трещины, точно вены, бежали по всей левой половине тела. Нетопырь продолжал: – Она начинается там, где кончилась, и кончается там, где началась: здесь, на холме. Ты теперь словно Вещий бог, словно Провидица – воплощение веры в Королевстве Каменного родника и ходячее противоречие. Станный, особенный, иной – звено в бесконечной цепи. – Он вздохнул. – Все это правда, и, уж прости, именно потому ты не в силах себя вспомнить. – Нетопырь склонился ниже, луна взидала на нас своим бледным оком. – Ты мертв,

Бартоломью.

Глава третья. Та, кого я знал

Мод Бауэр и каменный нетопырь торопливо потащили меня прочь, они явно тревожились: то и дело оглядывались и вздрагивали, словно их подстегивала сама земля, которую мы оставляли за спиной. Мы взбирались на валуны, продирались сквозь колючие заросли, бежали, задыхаясь и спотыкаясь, и наконец даже тень нависающего сзади холма скрылась из вида; впереди раскинулась бескрайняя пустошь.

Я рухнул на холодную землю, меня вырвало желчью. А потом я, похоже, прямо там и задремал, скорчившись и цепляясь за траву, словно лишь она не давала мне упасть с края света; когда я очнулся, в руках у меня все еще были зажаты пучки травы.

– Это все вода из родника, – сказала Мод, кивнув на серебряную флягу на поясе. – Тебя от нее мутит.

– Как? – прохрипел я, хотя мог бы спросить «что», «почему» или «когда», так велико было мое замешательство. – Как это – мертв?

Мод подняла руку, делая мне знак умолкнуть. Вдруг они с горгульей тоже припали к земле рядом со мной. Послышался звук, похожий на гром: низкий раскатистый гул, а за ним пронзительные вопли. Я приподнял голову из травы, и сердце у меня ушло в пятки. По пустоши брело стадо невиданных созданий, совсем рядом с нами, шагах в тридцати. Десятки

тварей. Некоторые смахивали на животных – оленей или быков, – но в их тонких конечностях, неуклюжей поступи, толстых мордах и запавших глазах таилось что-то непостижимое, что выдавало в них инаковость. Одни передвигались на четырех ногах, другие – на двух или вовсе без ног, как древоподобные создания, которые шли, опираясь на собственные корни; третьи парили на крыльях с перепонками. Здесь были и мелкие, точно мыши, существа, и те, что величиной с медведя, однако самым грозным был вепрь, который вел их за собой, у него на спине росли камни и трава.

– Спрайты, – нахмурившись, пробормотала Мод. – Как их много... Странно, что они сбились в такое большое стадо.

– Куда страньше, что они вообще куда-то идут, – заметил нетопырь. – Куда податься тварям, если для них нигде нет безопасного убежища?

Мод промолчала. Вскоре шум и вопли стихли, а спрайты пропали из вида; тогда она помогла нам с горгульей подняться, и мы отправились дальше. Мы шагали по продуваемым влажными ветрами холмам, на небе сгустились тучи, но дождь так и не пролился. Пустошь тянулась бесконечно: ни деревьев, ни дороги, только камни да трава, которую задевали мои поножи.

В тот вечер, когда после долгого пути мы остановились на ночлег, Мод взяла свой топор, наточила до зеркального блеска лезвие, а потом, не отрываясь, смотрела на него, словно принося какой-то обет верности. Нетопырь же... Я не понял,

что именно он делал, однако он отошел в свой уголок нашего лагеря, сел там на траву у скалы и просто заплакал.

Весь этот мир внушал мне тревогу, но его печаль – больше всего.

– Что с ним такое?

Мод даже не подняла взгляда от своего топора.

– У него ведь глаза ненастоящие, – пробормотал я. – Чего он плачет?

– Потому что имеет на то причины.

Наутро я резко проснулся, не помня ничего из того, что мне снилось. И все же глаза мои налились слезами, я тяжело дышал и тряся, свернувшись клубком и держась обеими руками за левый бок – на кольчуге в том месте остался след от крови, настолько старый, что она успела побуреть, высохнуть и начать осыпаться.

Рядом сидел нетопырь.

– Тише, Бартоломыю. – Он похлопал меня по плечу. – Боли уже нет.

Мы шли молча, изредка останавливаясь, чтобы сорвать немного ягод или прочей растительности для перекуса, который совершенно не насыщал. На четвертый день пути утром я услышал шум воды, и вскоре мы вышли к широкой реке. Увидев ее, Мод вздохнула с облегчением.

– Сомневаюсь, что ты скажешь мне, где мы и куда направляемся, – проговорил я, припав на колено. Я зачерпнул речной воды, хлебнул ее пересохшим ртом, и желудок отозвал-

ся урчанием.

– Мы между Ярыми Пиками и Звонящим Лесом, – ответила Мод. – А это река Тенор.

Она отошла чуть выше по течению, присела на корточки и запустила руку в поток, пытаясь поймать рыбу. Ответ ее был столь же краток, как и прежде:

– Мы идем ко мне домой, в Петула-холл, там безопасно. А потом... – Она с плеском запустила руку в воду, но ничего не поймала. – Есть одна реликвия. Магическое грузило ткача. Оно вернет тебе память. Я добуду его, и тогда все встанет на свои места. – Даже сквозь ровный шум воды было слышно, как дрожит у нее голос. – Ни к чему рассказывать тебе всю эту горестную историю дважды.

У меня снова заурчало в животе.

– Сложно верить рыцарю, который и обед себе раздобыть не способен.

Мод поежилась, а нетопырь, будто капризный ребенок, шлепнул ногой по воде, подняв тучу брызг.

– Не будь ослом. Неужели сам не видишь – ее совесть коржит.

Мод по-прежнему всматривалась в поверхность реки. В моем представлении рыцари выглядели совершенно иначе – не то что она, на коленях у воды, с опущенным оружием и покрасневшими от стыда щеками.

– Он хотел сказать – «гложет», – поправила Мод. – Меня гложет совесть.

– Почему?

– Ох, Бартоломью, ведь я уже объяснил. – Нетопырь присел рядом со мной на берегу и нарочито медленно стал хлопывать меня по голове, будто какого-то бестолкового питомца. – Мы бежим прочь от того злого мальчишки в большой золотой короне, он сломал мне крыло, тебя – убил и украл у нас нашу дорогую Бартоломью.

Ничего такого они мне не объясняли. Ни один из них.

– И кто же тут в таком случае Бартоломью? Я? Ты? Вон тот пень?

Горгулья задрал нос и фыркнул:

– Бартоломью – это Бартоломью, а я ее оруженосец. – Он потянулся к крошащемуся обломку крыла и рассеянно его поскреб. Оттуда вывалился кусок камня размером с мой кулак. – Куда уж понятнее!

Возможно, от ранения он повредился рассудком. Я кивнул на его трещины.

– Тебе больно?

Он посмотрел на меня. И тоскливо сказал:

– И нет и да – очень сильно.

Мод, все еще сидевшая у реки, проговорила:

– Ничего мы сегодня не поймает. – Она подхватила топор. – Пошли.

Мы зашагали дальше – три букашки на бескрайней, продуваемой всеми ветрами земле. Холмы сменялись лощинами, и те и другие были покрыты валунами. Мы снова забре-

ли на пустошь – не удаляясь от рева текущей где-то рядом реки, но и не приближаясь хоть к какой-нибудь мало-мальской дороге. Мы шли то в горку, то под горку, и Мод всегда топала во главе. Вдруг она остановилась на поросшей травой вершине невысокого пригорка.

Нетопырь подошел к ней, а вскоре к ним присоединился и я. Мы смотрели на долину, и я не сразу понял, что именно мы видим: вокруг были скалы, заросли костреца и разбросанные кое-где белые пятна маргариток. Но потом я вгляделся пристальнее...

И увидел морду.

Морду огромного животного.

Оно походило на кабана, только будто сотворенного из самой земли. На хребте у него росли камни и трава, вместо клыков – гранитные глыбы. Зверь сливался с пейзажем и лежал неподвижно, так что сомнений не имелось, он был...

Мертв.

Мод медленно зашагала дальше. Она определенно тоже понимала, что создание ушло в иной мир, и все же ступала осторожно, крадучись пробиралась через траву, будто из опаски разбудить зверя.

Мы остановились перед ним.

– Спрайт? – спросил я.

– Горный спрайт, – кивнула Мод. – Убит пару недель назад.

Я совершенно ничего не помнил, хотя все же кое-что знал

– где-то в глубине души. Например, что мертвечина гниет. От нее разит смрадом, плоть вздувается, если прежде падаль не сожрет воронье или какие-нибудь другие голодные твари. Однако от этого громадного, заросшего травой вепря ничем дурным не пахло. Не было ни следов гниения, ни разбухшего тела.

Лишь только что распутившиеся маргаритки, которые проросли сквозь тушу, намекали о тлене.

Потрясенный, я обошел зверя кругом, бормоча себе под нос ругательства, меня восхитили размеры спрайта, его крепкое сложение. Должно быть, при жизни он обладал невероятной мощью. Но потом я заметил торчащие ребра, верный признак голода, и – что куда хуже – на теле зияли десятки открытых ран, язвы, глубокие проколы.

– Кто это сделал? – Меня захлестнуло отвращение, едкой горечью отдаваясь на языке. – Другой спрайт?

– Убийство – ремесло людей, – изрек нетопырь. – Это сотворили рыцари.

Я посмотрел на собственные доспехи.

– Но зачем?

– Они защищают поселения, – донесся издалека голос Мод. Ветер, что трепал ее темные волосы, приласкал маргаритки на туше павшего создания. – Я ни разу не видела, чтобы спрайта бросали мертвым, обычно их сжигают. Я и не знала, что они способны цвести...

Повисла тишина, мы молчали, застыв так же, как мерт-

вый спрайт. Затем Мод стянула с руки латную перчатку и медленной поступью направилась к почившей твари, шаги ее становились все тяжелее, словно на плечи давил груз, словно боль усиливалась. Мод замерла перед спрайтом, в ее глазах не было и следа былой суровости.

– Я – рыцарь, как моя мать, и бабка, и прабабка, – проговорила она. – Короли и ремесленники верили мне. Я взяла бразды власти в свои руки, убила Вещих богов, избавилась от ложных знамений, обагрила топор кровью, положила конец скверне собора Ашлин. Я изменила устои Королевства Каменного родника, пусть никто этого и не заметил. – Она подняла взгляд на спрайта и тихо сказала: – Но сколько всего я оставила неизменным?

Из обведенного углем глаза скатилась слеза, прочерчивая на щеке влажный черный след.

– Это все я виновата. – Мод повернулась ко мне. – Я должна была догадаться, просто я и не думала, что он способен... – Она побледнела и говорила с трудом. – Меч порол тебе кишки, без лекаря кровь было не остановить. Ты скончался очень быстро, и вдруг все, за что я сражалась, стало неважным, ведь я не разглядела опасность прямо у себя под носом. – Она снова повторила: – Я обязана была догадаться.

– Не все знамения можно прочесть, – прошептал нетопырь.

Мод коснулась серебряной фляги, которая висела у нее на

поясе.

– Вот что вернуло тебя к жизни, – сказала она. – Мы собирались использовать флягу, чтобы выманить Безутешную Ткачиху. Мало кто знает, что вода из родника Ашлина способна воскрешать мертвых.

Мод взглянула на горгулью, на трещины в каменном теле, и по ее щекам вновь покатались слезы.

– Однако мне уже довелось видеть, как страдают те, кто зажился на этом свете, и вот... – Голос Мод был полон боли, ему вторил ветер, жалобно завывая. – Сомневаюсь, что нам суждено воскресать, Рори. Лишь смерть всех нас объединяет. Человек ли ты или спрайт – у каждого только одна жизнь. Богов не существует, но, возможно, наши жизни тем и святы, что они скоротечны.

Я беспокойно пошевелил пальцами.

– Если возвращать меня так дурно, зачем же ты это делала?

На суровых губах Мод впервые появилась улыбка. Слабая, печальная.

– Потому что ты меня попросил.

Мы оставили горного спрайта лежать посреди пустоши, и вскоре огромный зверь растаял вдали, слившись с другими холмами на поросшем травой теле земли.

Бодрствуя, я словно знал меньше, чем мне было известно во сне, порой приходилось даже втайне гадать: а жив ли я вообще? Я брел по бескрайней ветреной долине в обществе печальной Мод в облачении рыцаря да чудного, покрытого трещинами нетопыря – все это до жути походило на зыбкий сон, посмертие.

Но вдруг, незадолго до заката, дорогу нам перебежал заяц.

– Смотри, Бартоломыю! – азартно вскричал нетопырь. – Серый!

– Что серое? – зевнув, уточнил я.

– Не что, а кто – заяц, с густой серой шерсткой, прелестное создание. – Горгулья возбужденно перебирал пальцами. – Хочу поймать его и положить в рот, и пусть он совет там гнездо.

Мы с Мод переглянулись. Она пожала плечами:

– Ужин?

– Отличный ужин.

Нетопырь ахнул и припустил за зайцем.

– Не бойся, Бартоломыю, я спасу тебя от этих дикарей!

Я бросился за ним, а он – за перепуганным зверьком, Мод торопливо ковыляла позади. Мы промчались по долине, взбежали на небольшой холм, потом снова спустились к лесочку, где через реку Тенор был перекинут мост.

На дорогу вышли три пожилые женщины в ярких платьях.

Увидев несущегося на них нетопыря, а за ним меня, они разинули рты и завизжали.

Заяц – самый сообразительный из всех – услышав шум, нырнул в колючие заросли ежевики. Нетопырь с воплями принялся продираться за ним через колючки и ветки. Следовало его догнать, но я был в доспехах, с виду рыцарь, а разве не долг рыцаря блюсти приличия? Я резко остановился посреди грунтовой дороги.

– Э-э, приносим извинения, мы тут...

Первая женщина врезала мне по голове корзиной, вторая – пнула коленом в пах, а третья изо всех сил пихнула. Я повалился на землю и разразился такой отборной бранью, что женщины опять завизжали и бросились наутек, оставив меня корчиться и костерить их на все лады посреди дороги.

Вскоре ко мне подошла Мод.

– Хорошо, что ты уже мертв. Не то корзина тебя бы прикончила. – Она еле сдерживала улыбку. – Как ты их там назвал? Гребаные жабы ман...

Я закашлялся. Простонал.

– Я пытался проявить вежливость.

– Это уж точно не твое, мой мальчик.

Она помогла мне подняться, и вместе мы нашли нетопыря в двадцати шагах – он опустился на четвереньки и, задрав зад, вглядывался в темную нору.

– Бартоломью! Ты меня слышишь? Бартоломью-у-у-у...

– Тсс! – Мод замахала руками, давая нам знак замолчать, она распахнула зеленые глаза и указывала на лес впереди.

Оттуда доносились голоса. Больше трех.

– Они шли по дороге! – вопила женщина. – Доротея с Эльдой тоже их видели! Чудной коренастый спрайт и мерзкий увалень в доспехах!

«Мерзкий?» – беззвучно шевельнул я губами.

Мод покачала головой, а нетопырь закивал.

Снова слышались голоса:

– Никого там нет. Вы, верно, напугали их сильнее, чем они вас.

– И в придачу сломали мою лучшую корзину.

– Как по мне – дурное знамение. Я с Утесов больше ни ногой.

Один из голосов заговорил резче прочих:

– Дурное знамение? Вы совсем рехнулись? Вы что, его глаз не видели?

Мод с горгульей встревоженно ахнули. В лесу повисла тягостная тишина. Женщина заговорила вновь, но уже не сердитым голосом, а полным благоговения:

– Они были точь-в-точь как глаза Провидицы: я видела ее, когда она приходила с рыцарями на королевскую церемонию. Бледные, нечеловеческие, отмеченные какой-то святой магией.

Снова тишина. А потом...

– О боги. Значит, избив его, мы совершили святотат-

ство?..

– Надо его отыскать. – Послышался торопливый шорох шагов. – Он может многое знать. О Вещих богах, о наших судьбах! Далеко ему не уйти.

Голоса слились в неразборчивый гул – они тараторили слишком заполошно, слов было не разобрать, но постепенно гомон затихал. Женщины ушли в противоположном от нас направлении, и, когда шум превратился в еле слышный ропот, Мод вывела нас из зарослей ежевики. В ее поножах застряли колючие ветки, на сапогах виднелись пятна от ягод, в волосах – сухие листья.

Мод ничего этого не замечала. Она сощурила зеленые глаза и уставилась куда-то в пространство.

– Идем, – медленно произнесла она. – Пошли.

* * *

Солнце село. Мы устроились на ночевку в холмах близ реки, огонь разводить не стали, нам светили только звезды и серебристая луна в лиловом небе.

Нетопырь похрапывал, бормоча во сне:

– Из овцы вышла бы чудесная летняя шляпка...

Я присел рядом с Мод.

– Те женщины говорили о Вещих богах. – Каждая мысль, словно одинокая свеча, озаряла пустоту, которая зияла на месте моей памяти. – Что такое Вещие боги?

Мод все так же напряженно и сосредоточенно смотрела на небо.

– Было шестеро богов. Бог монеты, бог знания, бог силы, бог пронизательности, бог любви и бог смерти. Но эти легенды – ложь, никакие они не боги. Просто люди из поселений, которые существовали за счет магии. Время и уверенность в собственном величии сделали их чужеродными и порочными, ведь они возомнили себя единственными святынями в нашем несправедном мире. – Она погладила рукоять топора. – Мы убили их. На том все и должно было кончиться. Но вся эта мощь не могла пропасть втуне...

По спине пробежал холодок.

– Твои глаза – как у них. Как у Провидицы. Отмечены смертью.

Я осторожно коснулся нижнего века.

– А Провидица – это кто?

Она тихо хмыкнула.

– Что?

– Ничего. Просто... ты никогда не задавал вопросов, даже пока был мальчишкой. Сколько я тебя помню, ты всегда терпеть не мог порядка в Королевстве Каменного родника.

– И давно мы знакомы?

– Много лет.

Я взгляделся в нее при тусклом свете луны.

– Ты же мне не мать, верно?

– Полегче, поганец. Не настолько я старая.

– Прости.

Мод похлопала меня по плечу.

– Семья – это то, что ты сам себе создаешь.

– Поэтому у меня есть ты? – Я указал на похрапывающего нетопыря. – И он?

Она кивнула, потом легла на траву, закинув руки под голову.

– И женщина у тебя тоже есть.

Я выпрямился.

– Бесстрашная. Отважная, гордая, великодушная. Сильная, как бык! – проговорила Мод. По голосу было слышно, что она улыбается. – Во всяком случае, достаточно сильная, чтобы сбить тебя с ног.

Разрази меня гром, если лицо мое не вспыхнуло.

– Как ее зовут?

– Сибил Деллинг.

Я приоткрыл рот. Сибил Деллинг. Имя будто таяло на языке – нежное, сладкое.

– И она знает меня? Помнит?

– Полагаю, очень хорошо.

Тут я наконец сообразил.

– И где же она?

Мод долго молчала.

– Она не знает, что ты жив.

– Это не ответ, – отрезал я. Снова тишина. – Мод?

– Она с королем.

Мод перевернулась на другой бок, а я улегся на траву и закрыл глаза. Впервые с тех пор, как я очнулся на холме, не сумел уснуть сразу, а когда сон меня все же сморил, то был тревожным, и я снова проснулся со сжатыми кулаками, полными травы. Я больше не корчился и не дрожал, просто лежал на спине, закусив нижнюю губу; в штанах было до боли тесно. Я отчаянно рылся в воспоминаниях, пытаюсь ухватить ускользающий сон, не сомневаясь, что он был о ней, о Сибил Деллинг, о той, кого я знаю – знал прежде, – и не находил...

Ничего.

В промозглых предрассветных сумерках мой голос нарушил хмурую тишину:

– Говорите, мы убегаем от мальчишки в большой золотой короне. Это король, верно?

Мод резко проснулась, а с ней и нетопырь. Он прижал лапу к груди и так громко заверещал, что стайка горлиц испуганно вспорхнула с куста терновника.

– Помилосердствуй, Бартоломео, не ори. Веди себя как в храме!

– Значит, вот это, – я указал на обломанное крыло горгульи, – сделал король. – Я ткнул пальцем себе в левый бок, где все еще виднелось едва различимое кровавое пятно. – И это, да? Выходит, меня убил он?

Мод покосилась на мой бок. Она повернулась к горгулье, и они обменялись непонятными мне взглядами, и все же я заметил, как уголки губ Мод опустились.

– Да.

– И она сейчас у него. У короля. – Я и не представлял, что мой голос способен так хрипеть. – Сибил Деллинг. Моя женщина. С моим убийцей.

Прошла целая вечность, прежде чем Мод заговорила снова:

– Траум опоясывает символическая золотая цепь. Она охватывает поселения, приковывая их к Вещим богам, к собору Ашлин. Некогда эта цепь была в руках у матушки того собора, теперь ею завладел король, только он заменил собор на Сибил и приковал ее к себе. – У Мод перехватило дыхание. – Сибил – Провидица. Вещунья, которая когда-то рассказывала легенды о ложных богах, чтобы народу Королевства Каменного родника было во что верить. Она и есть символ веры. Монархи приходят и уходят, знать коронует их и свергает, но символы живут вечно. А теперь у короля есть Сибил, которую он сделал пленницей в своем замке, есть поддержка, которой он заручился у благородных семейств Траума, хоть и с помощью денег, так что отныне его власть и величие беспредельны. Никто не смел встать у него на пути, кроме... – Мод посмотрела на горгулью. На меня. – Его друзей.

У меня затряслись руки.

– Мы сумеем одолеть Бенджи, – сказала Мод. – Имя Бауэр еще кое-что значит. Я обращу его против короля, я найду способ уронить Бенедикта в глазах подданных. А ты... ты

слышал тех женщин. Траум – страна, где знамения, суеверия, видения важны. А с тобой, с твоими глазами, точно такими, как у Сибил... – Мод положила одну руку на плечо горгулье, другую – на мое. – Пусть смерть станет возрождением. Мы отправимся на Ярмарку Коулсона. Раздобудем ткацкое грузило, вернем тебе память. Мы поможем Сибил. Снова облачим ее в доспехи и вложим ей в руку молот.

Над пустошью занялся рассвет и залил Мод Бауэр неистовым оранжевым светом.

– Вчетвером мы поставим Бенедикта Кастора Третьего на колени. В последний раз.

Глава четвертая.

Приходите, посмотрите...

В Звонящем Лесу, где бесконечно простирались березовые рощи с их качающимися вершинами и мягкой подстилкой из листьев, все поражало буйством красок. Осень вступила в свои права, и деревья дружно вскинули знамена, каждый лист сиял ярчайшей желтизной. Ветер здесь, играя ветвями, пел иначе, чем в вересковой пустоши, – это был уже не жалобный вой, скорее нежный перезвон.

Но внезапно вокруг повисла тишина.

Сбоку мелькнула тень. Я взгляделся в деревья: промежутки между ними будто сократились.

– Спрайты, – объяснила Мод, взявшись за рукоять топора. – Древоподобные. Они перемещаются, особенно после заката. Те, что еще остались, по крайней мере. – Из походной сумки она достала небольшой кусочек угля, яростно натерла им кончик указательного пальца и размазала черноту по векам. Нетопырь кашлянул и пробормотал что-то, тогда Мод обвела глаза углем и ему.

Когда солнце село, мы разбили среди деревьев лагерь. Наступила ночь, но мы с Мод не спали, только нетопырь похрапывал и бубнил себе под нос что-то невнятное. Я лежал на спине и смотрел вверх, на длинные тонкие стволы берез, что качались на ветру; меня охватил страх, и я вспомнил о

спрайтах. Как может существо, что подобно мне бродит по земле, обреченное на вечные скитания – без дома, ненавидимое, всеми гонимое, – быть угрозой для поселений?

В каком же королевстве я очнулся, где сама возможность жить – право, данное по рождению, – становится милостью, которую даруют – и даруют, быть может, те, кто наименее достоин ею наделить?

Всю ночь я провел в сомнениях и раздумьях.

– Ты не знаешь, как вернуться, да? – наутро спросил я Мод, которая сидела, прислонившись спиной к дереву, с топором на коленях. – Если бы знала, мы бы не торчали в этом твоём Лесу, мы бы уже были на Ярмарке Коулсона. Ты не представляешь ни как настроить знать против короля, ни как пробраться мимо его рыцарей, ни как найти грузило. Ты не представляешь, как вернуть мне память, – процедил я сквозь зубы; прозвучало даже чересчур резко. – Ты не представляешь, как добраться до Сибил.

– Ты поможешь мне, – просто сказала Мод. – Ты всегда умел добывать нужное.

Я ничего не ответил, и Мод посмотрела на меня.

– Все будет хорошо. Просто верь.

Не требовалось пробуждать воспоминания, и так было ясно: Мод Бауэр уговаривала не столько меня, сколько себя.

Мы брели дальше сквозь березы. Полдень выдался таким же, как утро, серым и прохладным, и вскоре зарядил дождь. Ветер крепчал, хлестал в спину; ливень громко барабанил по моим доспехам. Я дрожал и хмуро смотрел на грязь, что летела из-под сапог, мне нужно было торопиться за Мод: ей не требовалась дорога, она и без нее быстро пробиралась через лес.

После непродолжительного похода мы вышли к замку в долине.

Мод расправила плечи, морщины у нее на лбу разгладись, и я догадался – это ее дом. Но потом она увидела пурпурные штандарты, которые свисали из окон замка. Во дворе были привязаны лошади, а у входа стоял в карауле рыцарь в полном латном облачении.

Мод замерла, и горгулья тоже.

Я не уловил намека.

– В этом твоём Петула-холле хоть чан с водой найдется? От меня разит, как от ослиной задницы...

И получил от Мод локтем в бок.

Я кубарем слетел с дороги, прокатился по листве и упал в неглубокий овраг, где рухнул в кучу спутанных корней, раскинувшись на земле, словно подстреленная птица.

– Мать твою, да какого хрена-то?!

Сверху пронзительно взвизгнул нетопырь. Над краем оврага показалась каменная голова.

– А, вот ты где, Бартоломью. Ну и изгваздался же ты в грязи... Нет, позвольте, сударыня! Сударыня! Отпусти меня!

Мод пыталась затолкать горгулью в укрытие, однако ее сил не хватило, чтобы сдвинуть с места каменную тушу. Мод сумела лишь запихать его за куст, откуда тут же шепотом посыпался град угроз:

– Ну-ка заткнитесь оба! Это люди короля. Надо спрятаться. – Мод посмотрела мимо меня в глубь Звнящего Леса. – Сюда.

Солнце стояло в зените, но там, где мы пробирались меж берез, царил темнота. Они росли слишком тесно, кроны смыкались плотно, не пропуская дневной свет.

Мы будто очутились в крытой галерее, узкой низине, где туманной дымкой сгустилась влага от дождя. Впереди возвышался разломанный помост в окружении деревьев, а на ветвях их висели колокольчики. И в придачу звериные кости.

– Миленко вы тут все украсили, – заявил я, обогнув пару берез, между которыми застряли олени рога – а за ними и остальной скелет животного. – Ну правда, убранство на высшем уровне.

– О чем ты толкуешь? – Нетопырь, огорченный тем, что его сюда, как он выразился, «сволочили», понюхал куст ежевики и оглушительно чихнул. – Тут душно, будто в склепе.

– Это священная роща. – Мод бесшумно шла между дере-

вьями. Несколько берез упало, самые крупные лежали впопалку возле помоста. Мод приблизилась к ним. Опустилась на колено. Стянула латную перчатку и прижала голую ладонь к стволу.

И шорох от прикосновения напоминал совсем не шорох древесины.

А будто плоть коснулась плоти.

Меня пробрала дрожь.

– Что это?

– Бирке, – прошептала Мод. Голос ее был словно воздух в роще: спертый, задушенный. – Я убила его.

– Не унывай, Бартоломыю, – вмешался нетопырь. – Утешься хотя бы тем, что этот спрайт при падении переломал тебе чуть ли не все кости. Ну как, полегчало?

Мод вздохнула. Она склонилась над павшим спрайтом, а я вдруг заметил маленькие цветы – маргаритки, проросшие из ран на его теле. Мод прошептала что-то, чего я не слышал, затем снова поднялась на ноги, топор сверкнул на поясе.

– Мне нужны ответы. В Лесу есть люди, с которыми я должна поговорить. А вы посидите здесь.

Я скорчил гримасу.

– Почему?

– Если ты помнишь...

– А я не помню.

Мод оглядела ближайшие деревья так, словно читать нра-

воучения березам было куда приятнее, чем разговаривать со мной.

— У тебя слишком приметные глаза. — Она ткнула пальцем в нетопыря. — А он — все, что осталось от собора Ашлин. Нам сейчас лишних вопросов лучше не вызывать.

— Почему?

— Потому что это мы его разрушили.

— Зачем?

Ее, наверное, так и подмывало всадить в меня топор, но потом Мод наконец поняла, что я просто ее дразню.

— Извини. — Я ухмыльнулся. — Очень есть хочется.

— Вот почему я так и не завела детей. Посмотрю, может быть, найду какой-нибудь еды. А вы. Оба. Сидите. Смирно. — Мод развернулась и скрылась за деревьями.

Некоторое время было тихо, лишь ветер без умолку наигрывал свою далекую звенящую мелодию. Я смотрел в глубь рощи, теребя кольца у себя на ухе, твердо решив не пугаться мертвого древоподобного создания у наших ног.

— Значит, это твой дом? — спросил я горгулью. — Здесь, с Мод?

— Нет. Я оруженосец Бартоломью. — Он напевал себе под нос, кружась меж деревьев и каждому кивая, словно партнерше в танце. — Где она — там и мой дом.

Я уже собрался сказать ему, какой он чудной — и что это вовсе не плохо, но тут позади хрустнула ветка.

Я обернулся.

– Ты слышал?

Опять хруст ветки – на этот раз прямо передо мной. Не дальше чем в десяти шагах.

Но там никого не было.

Я протер глаза. Заморгал.

– Горгулья?

– Бартоломью?

– Это дерево движется?

Нетопырь подошел и встал рядом.

– Нет, – проговорил он. – Деревья на месте. – Он вытянул каменный палец. – А это бирке.

Он оказался прав: чем ближе подступало существо, тем яснее было видно, что плоть его покрыта не корой, а бледной, обвислой кожей. А отметины – темные крапины, которые на обычной березе были бы сучками, – вовсе не сучки. Это глаза.

Десятки темных глаз, и все устремлены на меня.

Я невольно то ли всхлипнул, то ли выругался – словом, издал звук, которым не будешь гордиться.

– Что делать? – Рука упала на пояс, однако ножны были так же пусты, как и моя память. – Чего оно хочет?

– Вероятно, съесть тебя, – жизнерадостно сообщил нетопырь.

Ноги у спрайта были точно корни, длинные и извивающиеся, на них он и крался к нам.

Ну и как, на хрен, обороняться от гребаного дерева? Я

оглянулся на помост.

– Может, тут где-то топор найдется?

Нетопырь железной хваткой стиснул мою руку.

– Нет, Бартоломью. Ты не из таких рыцарей.

После этих слов сказать было нечего – спрайт уже стоял передо мной, в каких-то трех шагах от моих дрожащих ног. Ну и высоченный он был – по меньшей мере раза в четыре превышал человеческий рост, хотя и вполровину не доставал до некоторых деревьев в роще. Листья и толстые ветви раскачивались на ветру; он замер перед нами с горгульей, и вдруг самый большой из его темных, словно сучки, глаз моргнул – только и всего. Спрайт не издал ни звука.

Нетопырь склонил голову набок. Он смотрел прямо в глаза дереву – по крайней мере, в те, что посередине.

– Бартоломью говорила, что когда-то эти создания свободно бродили по Лесу, питаясь праздноцветом. Теперь они скрываются от людей, добывают пищу, едят что придется. – Он постучал когтем по подбородку. – Интересно, каковы на вкус глаза? Признаться, мне еще никто не предлагал их отведать.

– Глаза?

– Ну ты и глуп, Бартоломью, слушай внимательнее. Да, эта тварь ест глаза. – Он помахал лапой у меня перед носом, будто моя тупость дурно пахла. – Потому-то он и не знает, что с нами делать.

– Но глаза-то у меня, кажется, на месте.

Нетопырь пожал плечами.

– Мечи и доспехи ничто перед камнем.

Бирке смотрел на нас, а мы на него, и каждый дышал по-своему. Я – слишком часто, нетопырь – глубоко, задумчиво вытягивая воздух, а бирке так, что и не разобрать. Существо не говорило ни на каком языке, не издавало ни звука, лишь ветер мягко шуршал в его ветвях. Сначала оно не двигалось – мы напряженно застыли, – потом в стволе разверзлась темная дыра. Зияющая пасть, полная не зубов, а влажных моргающих глаз.

Я стиснул кулаки, убеждая себя оставаться на месте.

Вдалеке раздался знакомый голос:

– Бартоломью?

Я обернулся. Мод.

Когда я снова посмотрел на бирке, тот уже исчез, слился с рощей.

Вскоре появилась и сама Мод, покрасневшая и запыхавшаяся. Она пришла не одна, а с пожилым, широкоплечим мужчиной в черной кожаной одежде. У незнакомца была окладистая седая борода и точно такая же угольная подводка вокруг глаз, как у Мод. Он принес молот кузнеца и зажатый под мышкой шлем.

– Это Виктор, мой кузнец, – сообщила Мод.

Мужчина – Виктор – кивнул, разглядывая меня и почесывая бороду древком молота.

– А это, – Мод указала на лошадь, – Смоква.

Смоква – гнедая кобыла – из-за своего излишне плотного сложения с трудом пробиралась меж берез. Едва успев дотопать до нас, она тут же со всей страстью принялась тереться мордой о мое лицо. С трудом от нее отделившись, я обыскал седельные сумки и нашел там три каравай овсяного хлеба, жестянку с сушеными яблоками, пять кожаных фляг с водой и бурдюк с тушеным мясом, кое-как заткнутый пробкой.

– Это от семейства Айхель, – объяснила Мод.

Я заглянул на дно сумки.

– Ложки нет? Желательно серебряной.

– Соглашусь, – важно заметил нетопырь, плюхаясь на землю. – Давайте соблюдать должные церемонии, ведь, в конце концов, я привык к изыскам. – Он пошарил по траве вокруг себя. – Кажется, я обронил салфетку.

Мод фыркнула.

– Мне довелось видеть, как ты ел из корыта, Рори. Обойдешься без церемоний. Ты, должно быть, проголодался.

Тут она меня подловила. Я сунул в рот огромный кусок хлеба и застонал от удовольствия. Мы принялись за еду. Мы с Мод поглощали пищу с таким аппетитом, что я понял, в чем прелесть корыта. Виктор обедал неторопливо, а нетопырь к еде и вовсе не прикоснулся.

– Ну? – У меня изо рта полетели крошки. – Что узнала?

– Много чего. – Мод запрокинула голову и с жадностью отпила похлебки. – По словам Айхелей, я мертва. По крайней мере, так всем рассказывают те, кто захватил мой замок.

Я почесал нос.

– А мне-то казалось, мертвый тут я.

– О, так и есть. Согласно их версии, спрайты разрушили собор, убили матушку, всех Провидиц и уничтожили горгулий. Поскольку и мы с тобой тоже должны были там быть – то мы погибли под обломками. – Она шумно выдохнула. – Бред сивой кобылы.

– Без обид, – бросил нетопырь Смокве.

– Возвращаться опасно, – предупредил Виктор, набивая трубку остро пахнущей стружкой. – Лучше бы тебе оставаться мертвой. Сработает эффект неожиданности.

– Я и без того удивлю короля, будь спокоен. Но мне нужно было вернуться. – Мод ткнула его локтем. – Кто еще выкует нам новые доспехи?

Виктор постучал костяшкой по шлему.

– У тебя и так доспехов полно.

Мод кивнула на меня.

– Это для него.

– А что же сообщают обо мне эти brave легенды? – поинтересовался нетопырь. Лапы он сложил на коленях, пальцы его подрагивали от волнения. – Описывают ли, какие славные злодеяния совершил я на холме?

– Наверняка говорят, что тебя вместе с остальными раздавило обломками. – Мод отпила похлебки. – Ничего конкретно про тебя я не слышала.

– Я тоже, – подтвердил Виктор.

Кажется, нетопыря это задело. Он фыркнул и задрал нос, отказываясь на нас смотреть.

– Зато я вот что раздобыла. – Мод вытерла с губ полоску похлебки и полезла в свою сумку. – Послание от короля для семейства Айхель. Вероятно, и в другие поселения разослали такие письма. – Она вытащила сложенный лист пергамента, кашлянула, прочищая горло, и прочла: – «Настоящим мы уведомляем вас о паломничестве, которое начнется на третьей неделе осени. Король в сопровождении своих рыцарей отправится нанести визит поселениям – от Ярмарки Коулсона до Шехта, затем к Ярым Пикам, в Звенящий Лес, и, наконец, путешествие завершится в Утесах Беллидина. Каждому поселению приказывается принять...»

За стеной деревьев послышался шорох, листья захрустели под сапогами. Я подумал, что идет очередной бирке, но среди ветвей мелькнуло серебро, солнечный свет заплясал на доспехах, и к нам вышли двенадцать рыцарей, все с мечами на изготовку.

Мод тут же вскочила, и я, к собственному удивлению, – тоже. Она сунула королевское послание обратно в сумку, отняла у Виктора шлем и нахлобучила его мне на голову так, что у меня зазвенело в ушах.

– Не снимай, – прошипела она, берясь за топор.

Рыцари двигались словно волки, дружной стаей, быстро и уверенно. Они мигом взяли помост, мертвого бирке и всех нас в кольцо.

– Ну что, нарушители границ! – рывкнул рыцарь с пурпурной лентой, обмотанной вокруг запястья. – Верните лошадь, и ваши воровские головы останутся целы.

– Лошадь не краденая, и мы ничего не нарушили, Ротс-пар. – Мод, в отличие от наглого рыцаря, не рычала, как собака, она даже не подняла топор. В ее голосе звенела несокрушимая уверенность, которая сама по себе служила защитой. – По крайней мере, я.

– Ну дела! – Рыцарь с пурпурной лентой поднял забрало и вытаращил глаза. – Неужто убийца спрайтов Мод Бауэр вернулась с того света?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.